

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

Доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Институт философии Российской академии наук.

109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;

e-mail: gurevich@rambler.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИДЕОЛОГИИ

Значительным событием в жизни Института философии РАН в минувшем году стала работа общеинститутского семинара. Научная жизнь в секторах приняла разнообразные формы. Устраиваются дискуссии, обсуждаются доклады экспертов, специалистов из других вузов и подразделений. Однако значение общеинститутского семинара иное. На обсуждение выносятся самые острые вопросы современной философии, анализируется состояние дел в конкретной области философского знания, даются экспертные оценки, обобщаются результаты разносторонней теоретической деятельности.

Эта ценная инициатива связана с деятельностью научного руководителя Института философии РАН, крупного учёного, академика Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова и директора Института, академика Андрея Вадимовича Смирнова. В течение года они приложили немало усилий, чтобы обеспечить высокий уровень дискуссии по злободневным вопросам философского знания. Каждая встреча открывается вступительным словом А.А. Гусейнова, в котором даётся развёрнутая характеристика научной деятельности докладчика. Затем следует доклад, который подвергается обсуждению со стороны присутствующих. Таким образом кристаллизуется ценнейший теоретический материал, который, в свою очередь, обеспечивает импульс для постановки и решения новых задач. Несомненно, такая форма активности позволяет Институту выполнять сложные задачи, поставленные перед ним на современном этапе.

В этом году особый интерес на семинаре вызвали проблемы идеологии. Идеология рассматривалась не только как особый социальный и антропологический феномен. Прослеживались её разновидности и особенности на различ-

ных этапах истории. С докладами выступили выдающиеся эксперты нашего института В.М. Межуев, Э.Ю. Соловьёв, В.А. Подорога, А.В. Рубцов. Доклады показали, что в Институте ведётся серьёзная теоретическая работа, связанная с разными направлениями философского знания. Стало также очевидным, что научные сотрудники проявляют интерес к острым вопросам социальной жизни, готовы к разностороннему обсуждению огромного по своим масштабам идеологического опыта прошлых эпох и современности. В результате обмена мнениями и полемики обнаружились разные аспекты этого феномена: генезис идеологии, присущие ей социальные функции, отношение к науке, различные формы её существования, ценностная природа идеологии, её латентные («теневые») формы. Представления о локализации идеологии наряду с политикой, наукой, культурой, экономикой дополнялись диффузной моделью «включённой идеологии». Говорилось о деградации идеологии и опасности геополитических мифов, межнациональной нетерпимости и возрождённых историцистских спекуляциях и т. д.

Особую ценность имел актуализированный историко-философский материал. Он был связан не только с XVIII в., когда поздние просветители превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину, подчёркивая активный характер, практическую значимость идеологии. Должное внимание было уделено концепции К. Маркса и Ф. Энгельса, которые подвергли идеологию критике как ложное, иллюзорное сознание, проиллюстрировали понимание истории в немецкой классической философии первой половины XVIII в. – первой половины XIX в.

Ключевые слова: идеология, реальность, утопия, культура, революция, философия, консерватизм, либерализм, социализм, марксизм

Идея и идеология

В оценке идеологии как явления участники общеполитического семинара избежали односторонности. Стойкой традиции негативного отношения к идеологии, её конфронтации с наукой было противопоставлено и прокомментировано мнение П. Рикёра, который в своё время пытался разработать «позитивную» концепцию идеологии путём синтеза основных положений К. Маркса и М. Вебера. Касаясь феноменологического подхода к идеологии, французский философ стремился установить семантические рамки, позволяющие аутентично использовать это понятие [см.: 7].

«В понятие “идеологии”, – писал П. Рикёр, – не следует вкладывать только тот уничижительный смысл, который придавал ему Маркс и который ассоциируется у нас с искажением реальности под влиянием завуалированных классовых интересов. Негативный аспект идеологии должен рассматриваться как частичная характеристика более общей и вместе с тем более позитивной её концепции» [22, р. 44]. В работе По-

ля Рикёра «Идеология и утопия», представляющей собой курс лекций, прочитанных известным философом в США, идеология и утопия рассмотрены как культурные феномены, в их соотнесённости в сфере общественных представлений. П. Рикёр прослеживал эволюцию этих понятий в истории современной мысли, уделяя большое внимание их использованию и трансформации в текстах таких авторов, как К. Маркс, М. Вебер, Л.П. Альтюссер, Ю. Хабермас, К. Гирц.

Рикёр исходил из того, что идеология и утопия существенным образом связаны между собой, а значит, и рассматривать их следует, опираясь на факты их неустанного взаимодействия. К тому же, вопреки распространённым взглядам, автор утверждал, что нечего и думать о том, что когда-нибудь люди смогут избавиться от необходимости создавать идеологии и утопии, поскольку как одно, так и другое является неременной функциональной частью механизмов смыслообразования в культуре [23].

Выступавший с отдельным докладом В.М. Межуев определил идеологию как особый мир идей, отделённый от мира вещей и заключающий в себе отчуждённую от человека и идеально выстроенную систему его общественных отношений¹. Однако Вадиму Михайловичу удалось показать также соотношение идеи как автономной мысли с идеологией как сводом таких идей. Такое соотношение носит антропологический характер. Об этом ещё в 1977 г. писал немецкий философ О. Лемберг. «В распоряжении индивида, – отмечал он, – находится специфический инструментарий, – идеологическая система, т. е. ансамбль представлений, ценностей и норм, которые ориентируют человека в мире, указывают на его роль в нём, обуславливают активность личности, требуют устранения моральных оценок» [21, S. 3].

Докладчик показал, что на рубеже XVIII–XIX веков поздние просветители превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину. Несомненная ценность размышлений Вадима Михайловича связана с анализом марксистской концепции идеологии. В наши дни эта концепция оценивается по-разному. Излагаются диаметрально противоположные точки зрения на идеи К. Маркса. Одни считают, что незачем обременять себя теорией, которая рождена викторианским веком. Другие полагают, что разрыв между теорией и современной практикой свидетельствует об утопичности идей Маркса. Кем был Маркс: учёным или утопистом, теоретиком или идеологом? Согласно докладу В.М. Межуева, К. Маркс был тем и другим.

В.М. Межуев поставил перед собой верную задачу. Он не перевёл обсуждение в русло, позволяющее оценивать социальное содержание различных концепций. Основное внимание докладчик уделил функциям идеологии, их предназначению в общественной жизни. Комплексное использование методов и принципов исследования, заим-

¹ Критические замечания по поводу данного определения идеологии см.: [8].

ствованных из других социальных наук, в сочетании с их критической интерпретацией позволили дать наиболее полную картину функционирования идеологии.

По мнению П. Бурдьё, одна из важнейших функций идеологии состоит в создании иллюзии, что «общественное мнение существует». Идеологические системы взяли на себя целый ряд функций, которые стали основополагающими для сохранения человеческой жизни и человека как рода. Из многообразия этих функций можно выделить такие, как образование и разграничения общественных групп, объяснение мира и поиски истины, управление поведением индивида и общества в целом. Интегрирующая идеология, как любая идеологическая система, имеет две стороны: созидательную и опустошительную. Сила, связывающая группу, порождает в то же время разрушительные конфликты, религиозные войны, мировые катастрофы. Возведённая в ранг национализма, такая система препятствует становлению столь животворных наднациональных связей. Боясь назревающего кризиса самосознания, ослабления сплочённости, такая группа абсолютизирует присущие ей ценности, закреплённые в национальном восприятии, религии, партии.

Масштаб охвата темы в докладе В.М. Межуева оказался впечатляющим. Выявились и определённые расхождения в трактовке конкретных философских проблем. Так, Вадим Михайлович указал, что главная часть его доклада посвящена доказательству прямой принадлежности философии к идеологии (вместе с религией, моралью, правом и пр.), под которой понимается особый мир идей, отделённый от мира вещей и заключающий в себе отчуждённую от человека и идеально представленную систему его общественных отношений. Эта позиция докладчика не получила поддержки. По мнению А.В. Рубцова, «идеология генерирует “очевидности”». Её функция – делать из неочевидного или просто ложного нечто безусловно очевидное – самоочевидное. Она ставит человека в позицию “верую!” – создаёт светские религии и плодит толпы адептов. Философия начинается именно с критики очевидности, с того, что “и так ясно”, а потому не промысливается. Её интеллектуальная функция – делать из очевидного и самоочевидного нечто, как минимум, безусловно неочевидное (иногда и просто ложное). Она ставит человека в позицию “не верю!” – разрушает светские религии и превращает толпы адептов в людей, способных мыслить критически и рефлексивно, ничего не принимая “на веру”» [12].

Разумеется, указанное различие между философией и идеологией имеет и другие основания. В частности, философия есть выражение индивидуального экзистенциального опыта. Идеология, напротив, выражает массовые ожидания и сводит до минимума горизонты жизненного мира. Философия по своему определению не обязана обслуживать каждый изгиб политической конъюнктуры. Все ссылки на эту тему лишают философию её суверенности. В.М. Межуев утвер-

ждает, что в качестве идеологии философия строится на идее человеческой свободы, имеющей своим органом человеческий разум. Но разве свобода – единственная тема философии? Неужели обращение Платона к сиракузскому тирану с социальным проектом продиктовано идеей свободолюбия?

В.М. Межуев отмечает, что именно в философии зародились все основные идеологии Нового времени: консерватизм, либерализм и социализм. Но ведь это впечатляющая иллюстрация редукционизма! Не логичнее ли предположить, что общественно-политические запросы рекрутировали для своего обоснования философский арсенал? Разве, к примеру, Ф. Бэкон, стремясь к апофатическому очищению сознания, имел ангажированные политические цели? Неужели Ницше, выдвигая идею сверхчеловека, располагал идеологическим заказом? Вадим Михайлович пишет: «Критиком идеологии является не философ, а учёный». Где, как говорится, имена и явки? Вопрос: чем является постмодернизм за пределами идеологии? Он является целой полосой философского творчества, разоблачающей идеологию. «В известном смысле, – пишет Славой Жижек, – идеология – это не что иное, как форма видимости (формального искажения/смещения) не-идеологии» [9, с. 253].

Если философия вообще по определению служанка идеологии, давно уже (с античности) встроена в неё, то о какой новой философии может идти речь? Оказывается, судя по докладу, завершение классической философии означало переход к новому – постклассическому – типу философствования, далёкому как от науки, так и от претензии на создание какой-то новой идеологии. Выходит, философия освобождается от идеологии. Но она и родилась раньше, чем появилась идеология, и оказывается, союз философии с идеологией не вечен. Тогда зачем весь этот эпатаж? Только затем, чтобы утвердить право мыслителя на свободу от профессиональной ангажированности. Но об этом раньше Вадима Михайловича написал Карл Ясперс. Философия обосновывает различия, идеология сближает и смешивает разнородное. Вот мы и прошли по этой торной дорожке!

Идеология и манипуляция

В докладе Э.Ю. Соловьёва и его публикациях нет искупительной привязанности к идеологии. Напротив, он воспринимает манипуляторскую активность идеологии отрицательно. С блеском, который всегда присущ его «говорению», Эрих Юрьевич выступает в роли критика идеологии. Он не просто обращает внимание на иллюзорную предназначенность этого феномена. С публицистической страстью докладчик анализирует особые варианты манипулирования общественным мнением. В выступлениях Э.Ю. Соловьёва рассматриваются отношения философии и

идеологии в условиях информационного противоборства (information warfare). Э.Ю. Соловьёв характеризует эти идейные размежевания как особый род манипуляции общественным мнением. Он ярко раскрывает феномен зеркальной идеологической симметрии, когда на обеих сторонах смыслового конфликта используются однотипная софистика и казуистика [17].

Но действительно ли речь идёт о смысловом конфликте? Содержательная направленность дискуссий подменяется видимостью прояснения актуальных вопросов, страстностью искания правды. На деле, как показывает Э.Ю. Соловьёв, мобилизация массовых аудиторий, обеспечиваемая зеркальной идеологической симметрией, подчиняется двум главным интенциям: а) предостережение и б) воодушевление проектом. Эффект предостережения достигается посредством разжигания упреждающего недоверия. На самом деле речь идёт, скорее всего, о злобном и тотальном отвержении позиции противника, эскалации ненависти. Типовой дискурс идеологических предостережений – это «коллаж из разрозненных информационных вспышек», допускающий потерю логической памяти и логическую бессовестность.

Бессовестность и наглость современной идеологической практики давно стали предметом очевидной констатации. В своих работах Т. Адорно, Г. Андерс, Ж. Бодрийяр, Ж. Эллюль уже не вчера обратили внимание, что манипуляторы давно не стремятся к изощрённости в мобилизации умов. Они используют примитивные приёмы, на которые указывает и Э.Ю. Соловьёв. Вот дополнительное свидетельство Ж. Бодрийяра, который пишет: «Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного воспроизводства. Всё сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию» [4, с. 272–273].

Давно подмечено, что анонимные силы ускользают и меняют свой облик. Они выступают с одинаковым успехом как противники и как друзья, становятся двойственными как одним, так и другим. Э.Ю. Соловьёв прав: идеология сегодня использует однотипную софистику и казуистику. Но есть ли смысл указывать манипуляторам на утрату ими логической строгости и культ беспамятства? Разве они не видят в этом свою миссию или, по крайней мере, профессиональную обязанность?

Э.Ю. Соловьёв предлагает обратиться к самой дискурсивности речи и логической защите сознания и мышления средствами логики-лингвистического анализа. Воодушевляющие проекты достаточно точно отвечают понятию миссии и продолжают и поныне, тая в себе опасность геополитических мифов, межнациональной нетерпимости и возрождённых историцистских спекуляций. По его мнению, философским ответом на эти идеологические угрозы должна стать культура скептиче-

ской верификации ожиданий и надежд, строгое различение программы и идеала (целевого ориентира) и дальнейшая разработка концепции открытой истории.

Но откуда исходит эта идеологическая угроза? «Информационная, медийная, коммуникационная энергия тратится сегодня лишь на то, чтобы вырвать хоть одну толику смысла, хоть одну крупицу жизни у этого холодного и безразличного антитела, у этой молчаливой массы, чьё притяжение всё возрастает» [5, с. 133]. Критического разбора манипулятивных приёмов более чем достаточно. Идеологическая практика не нуждается в наших рекомендациях. В нынешних условиях она даже и не помышляет о том, чтобы изменить условия игры. Выходит, философская рефлексия мало что может изменить в современном раскладе сил.

И всё же Э.Ю. Соловьёв задаётся вопросом: «Чем же отвечает (или должна ответить) на всё это философия как критика идеологий?». Прежде всего Э.Ю. Соловьёв предлагает философам политику неучастия в манипулятивной практике. Он напоминает, что в теории идеологии (как и в социологии знания в целом) первый из классиков – это Маркс, хотя «Немецкая идеология» и «Коммунистический манифест» были написаны вовсе не для теоретиков, культивирующих в себе ценностно-нейтральный объективно-отстранённый взгляд на социально влиятельные идеи. К. Маркс ориентировал в идеологии лидеров растущего рабочего движения, или, если угодно, радикальных граждански-социальных активистов тогдашнего обычного сознания.

Позиция идеологического неучастия, как полагает Э.Ю. Соловьёв, препятствует ангажированию философа в партии, организующие борьбу идей, но вовсе не предполагает, что его выступления как тексты нравственной, политической и социальной критики перестанут быть актуальной публицистикой, сделаются менее непримиримыми, менее острыми, менее травмирующими. Здесь можно говорить об известном сходстве с концепцией непротивления злу насилием. Последовательный её приверженец не участвует в работе органов насилия, равно как и в общественных объединениях, нацеленных на насильственное сопротивление насилию. Это, однако, вовсе не мешает ему свободно осуждать любые акции насилия и делать это столь решительно и безоглядно, что в контексте реальной жизни, в паутине материально-экономических зависимостей и карьер, конформистских престижей и обструкций его правдивое осуждение делается подобным физическому удару. Или, если выразиться просто: в стихии правдивого, честно верифицированного слова непротивленец что зверь. По щеке он не ударит, но его выверенное высказывание может оказаться обиднее пощёчины и опаснее, чем затрещина, отвешенная медвежьей лапой.

И всё-таки Э.Ю. Соловьёв настаивает на философской рефлексии, которая самим фактом своего существования могла бы хотя бы частично парализовать манипулятивное торжество. Заметим, что эта тен-

денция существует и в западной философской литературе. Так, тот же Ж. Бодрийяр видит главную проблему в том, что, по его мнению, «всегда будет проблемой, анализировать медиа и сферу информации через призму традиционных категорий философского субъекта: поля, репрезентация, выбор, свобода, знание и желание» [5, с. 134].

Но весь вопрос в том, что, выступая в качестве «критиков идеологии», мы не можем отвлечься от её эволюции. Сегодня мы с огромным запалом разоблачаем иллюзии деидеологизаторов. Но это вовсе не означает, что задача философов в том и состоит, чтобы, устранив призраки деидеологизации, вооружить массы нужной идеологией. Нет оснований забыть предупреждение К. Ясперса, который в своё время отметил, что всевластная идеология сама пророчит себе гибель, подрывая собственные основы. В начале 70-х годов ведущие теоретики «реидеологизации» (Р. Арон, Д. Белл, О. Лемберг, Р. Нисбет и др.) объявили, что в современном мире произошло обновление духа, обнаружены и задействованы дремавшие до сих пор мировоззренческие ресурсы, укрепляется утраченная в минувшие десятилетия вера в мобилизационную мощь идеологии капитализма.

Ныне реидеологизация трактуется как развернувшееся массовое приобщение широких слоёв населения к идеям и ценностям современного общества. «Начинается новый идеологический век», – пророчествовал Р. Арон. Немецкий социолог О. Лемберг предостерегал против односторонней критики «мифологического сознания» (так он именoval идеологию), подчёркивая, что люди испытывают трудноутолимую потребность в идеологии, в спасительной вере. Идеи творят историю, сдвигают горы, умоzakлючал он. Американский социолог Р. Нисбет, полемизируя с «социальными критиками», утверждал, что капитализм обладает неоспоримыми преимуществами перед любой иной социально-экономической системой. Об этом, по его мнению, свидетельствует и присущий данному строю неисчерпаемый духовный потенциал.

Реидеологизаторская волна имеет некоторые общие черты. Все теоретики, придерживающиеся новой тенденции, говорили о возросшей роли идей в современном мире. Смысл этих умонастроений весьма отчётливо выражен в афоризме: «Человеку идеология нужна как воздух». Все реидеологизаторы, независимо от конкретных ориентаций, придерживаются единой платформы: они убеждены в том, что мир крайне нуждается в новых мировоззрениях, ибо прежние утратили способность быть средством социальной ориентации.

Всем «реидеологизаторским» направлениям присуще мессианство, вера в собственную историческую миссию, в то, что именно данное конкретное воззрение явится прологом к новой фазе человеческой истории. Отсюда проекты «глобальной идеологии», оцениваемой уже позитивно, как факт, отражающий общественные потребности. Редидеологизаторы ищут ядро «новой идеологии», некое наиболее

важное устремление, которое способно сообщить энергию и привлекательность новому мировоззрению. Зерно возникающей «глобальной идеологии» Т. Парсонс усматривал в «религии всеобщей любви», Э. Фромм – в «революции надежды», Т. Роззак – в «старом гнозисе», т. е. возрождении шаманистики, магии, первобытной фантазии. Сообщается, что новое мировоззрение, столь нужное современному миру, будет свободным от односторонности. В этом новом духовном образовании будут интегрированы разные тенденции, гармонизированы интересы разных социальных групп.

Реидеологизация коснулась и современной социологии. В конце минувшего века всё чаще раздавались, и тем более раздаются по сей день, голоса о том, что надо создать новые общественные дисциплины, которые могли бы преодолеть узкий эмпиризм, присущий социальным наукам. Возникают попытки создать «социологию социологии», новые варианты теории идеологии, хоррологию, техногуманистику, экогуманистику, трансгуманизм [20].

Идеология и наука

«Может ли быть научной концепция идеологии?» – задаёт вопрос П. Рикёр. Если идеология ставит перед собой серьёзные исторические цели и хочет получить должный результат, то её обращение к науке неизбежно. В этом случае политическая элита озабочена не тем, чтобы путём манипуляции получить результаты, угодные правителям. Но если властители хотят продуктивно использовать исторические ресурсы, то сознательно опираются на науку. Идеологам нужны социальные идеи. Далеко не всегда они вырабатывают собственные маршруты, игнорируя достижения науки. О том, имеет ли идеология позитивные цели, направленные на развитие общества и благоденствие народа, можно судить по плодотворности союза власти и учёных.

При каких условиях, по мнению Рикёра, сомнительное значение слова «идеология» не будет бросаться в глаза, даже несмотря на то, что оно в конце концов вытекает из самой дефиниции? В качестве отправной точки анализа П. Рикёр берёт положение М. Вебера о социальной интеграции. В отличие от Маркса Вебер даёт более исчерпывающее объяснение феномена социальных отношений, не ограничивая его двумя понятиями – господство и конфликт. Используя данную Вебером трактовку «осмысленного поведения», Рикёр отмечает, что именно на уровне такой осмысленной, сориентированной на другого (члена общества) и социально интегрированной деятельности феномен идеологии приобретает своё первоначальное значение. Идеология рассматривается автором как система взглядов, которая содержит в себе директивы к действию, предопределяющие «осмысленное поведение» членов груп-

пы. Вполне вероятно, отмечает П. Рикёр, что социальное существование вообще невозможно без опосредованного отношения группы к какому-то факту, событию, явлению, обусловившему её создание.

Интерпретации подобного рода можно считать основным компонентом того, что Вебер определил как «осмысленное действие» (поведение). Современное событие никогда не осмысливается. Это невозможно, поскольку процесс постижения предполагает обращение к социальной памяти и вместе с тем воссоздание определённого рода этой памяти, т. е. в форме интерпретации, в форме уже опосредованного отношения к реальным фактам прошлого. Таким образом, идеология в этом опосредовании – первичная функция, отличающаяся от функции, связанной с искажением реальности. Рикёр не отвергает марксистскую концепцию идеологии, но считает, что она может быть продуктивной, только если рассматривать её в связи с двумя предыдущими концепциями, основанными на социологии Вебера. Прежде всего, П. Рикёр считает, что метафора с камерой-обскурой скорее вводит в заблуждение, чем разъясняет реальный процесс, а вторичным – поставленный на голову образ реальности, аналогичный оптическому образу физического объекта. Так называемый реальный процесс уже сам по себе имеет символическое значение.

Социальные действия и социальные отношения опосредуются в нашем сознании в виде представлений, образов, верований. Эта опосредованная функция идеологии и гарантирует определённую степень осмысленности поведения. Другими словами, форма реальной жизни не может быть выявлена до обнаружения символов и тем более до возникновения идеологии. Символизм в целом – не вторичный аспект социальной жизни, он составляет реальную жизнь в форме социального осмысления действительности. Это значит, отмечает Рикёр, что нельзя относиться к марксистскому положению о перевёрнутом образе как к первооснове концепции идеологии.

По мнению Рикёра, фактически никогда социальная теория не достигала уровня научности, который позволил бы ей использовать выражение «эпистемологическая ошибка» для определения дистанции между ней и идеологией. Чтобы стать наукой в подлинном смысле слова, социальная теория должна представить не только убедительное объяснение, но и доказательства, способные опровергнуть противоречивые факты. Философы же имеют либо унифицированные, но не проверенные практикой теории, либо теории, в достаточной степени подкреплённые доказательствами при отсутствии обобщений, такие, например, как демография и все остальные дисциплины, основанные на математическом и статистическом методах. По Рикёру, в равной степени заблуждаются и те, кто громогласно выступает против идеологии, и те, кто защищает теории, обладающие великой интегративной силой, но не подкреплённые данными эмпирического опыта [11].

Идеология как цинизм

Идеология скорее социальное зло, нежели благо, – пророчествовал в своё время немецкий учёный П. Слотердаик. Но гораздо хуже, если ей на смену придёт цинизм. По мнению этого исследователя, такая замена уже случилась [16]. «На протяжении века философия лежит на смертном одре и не может умереть, ибо задача её не исполнена. Поэтому конец вынужденно мучительно затягивается. Она или похоронила себя, предавшись пустой игре в мысли, или пребывает в агонии, во время которой её посещают откровения и она высказывает то, что забывала сказать на протяжении всей жизни. Перед лицом смерти ей хочется быть честной и открыть свою последнюю тайну. Она признаёт: все великие темы были сплошь уловками и полуправдой. Прекрасные, но тщетные взлёты мысли: Бог, Универсум, Теория, Практика, Субъект, Объект, Тело, Дух, Смысл, Ничто – всего этого не существует. Всё лишь словечки для юнцов, профанов, клерикалов да социологов» [16, с. 3].

Идеология перестаёт быть манипулятивной, она отказывается откровенно циничной. Идеолог менее всего озабочен сегодня тем, чтобы придать своим заявлениям долю подлинности или даже правдоподобия. «Это означает, что без ведома экспертов, которые их изучают, и манипуляторов, которые думают, что влияют на них, массы поняли, что политическое виртуально мертво, что теперь им дано сыграть в новую игру – столь же возбуждающую, как игра, где они с необычайной лёгкостью могут подчинить себе общественность, харизмы, престиж, размер изображений» [3, с. 61].

Идеология наших дней модернизировала обман. Видя картинку или слушая новость, вы совсем не уверены, что сообщение подлинное, а картинка – не фальшивая. Ж. Бодрийяр утверждает, что «Война в Заливе» была не войной в самом деле, а скорее злодеянием, которое притворялось войной. Имея несравнимо более мощные военно-воздушные силы, американские военные в большинстве случаев не вступали в прямое столкновение с Иракской армией – почти ничего не известно о смертях иракцев. Таким образом, с точки зрения запада, боевых действий на самом деле не было. Более того, всё, что люди узнавали о войне, являлось продуктом пропаганды.

Подробные рассказы о военных действиях, осуществляемые различными медиа, не давали возможности понять, что происходило на самом деле, а что было стилизовано, избирательно искажено при помощи симулякров. Бодрийяр хочет привлечь внимание аудитории к феномену современных средств массовой информации, которые распространяют сведения о событиях в реальном времени. То, что они презентуют, по факту подменяет саму реальность, делает настоящее событие неважным, не столь значимым, как рассказ о нём.

Цинизм – это не просто обман. Это акт глумления, шутовства, безнаказанности. В журналистике закрепилось новое словосочетание – «фейковые новости». Так называют информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение. Вот пример.

Чтобы отвлечь внимание от публикации новых курьёзных фактов из жизни бизнесмена, кандидат на пост советника по нацбезопасности Майкл Флинн опубликовал в социальной сети пост под громким названием «Сексуальные преступления с детьми» и ненавязчиво намекнул, что он посвящается деятельности демократов. Естественно, внимание общественности переключилось на разгорающийся скандал вокруг членов демократической партии, а моральный облик Трампа уже не казался столь отрицательным. Впоследствии выяснилось, что новость оказалась фейковой.

П. Слотерайк пишет: «К 1900 году радикальное крыло левых перестало в чём-либо уступать правому цинизму власть имущих. Это состязание между цинически-оборонительным сознанием старых носителей власти и утопически-наступательным сознанием новых представляло собой политико-моральную драму XX века. В соревновании за самое жестокое осознание жестоких фактов наставляли друг друга дьявол и сатана. Из конкуренции сознаний возник двойственный, сумеречный, искажающий очертания предметов свет, характерный для современности: взаимовыслеживание идеологий, ассимиляция противоположностей, модернизация обмана, – короче говоря, то отправляющее философа в пустоту положение, в котором лжецы называют лжецов лжецами» [16, с. 124].

Недуг в культуре приобрёл новое качество: он проявляется как универсальный диффузный цинизм. В растерянности стоит перед ним традиционная критика идеологий. Она не видит, к чему можно было бы приложить рычаг для Просвещения – ведь циническое сознание не дремлет. Современный цинизм подаёт себя как состояние сознания, которое следует за наивными идеологиями и их Просвещением. В нём и заключается действительная причина сенсации, состоящей в том, что критика идеологий выдохлась. Она осталась более наивной, чем то сознание, которое она хотела разоблачить; сохраняя свою добропорядочную рациональность, она не последовала за современным сознанием и не совершила вслед за ним поворота к хитроумному плюралистическому реализму. Доныне выстраивавшийся ряд форм ложного сознания: ложь, заблуждение, идеология – оказался незавершённым; современный менталитет заставляет добавить четвёртый член ряда – феномен цинизма. Говорить о цинизме – значит попытаться войти в старое здание критики идеологий с нового входа.

Теневая идеология

Трудно представить себе государство без идеологии. Парадокс, однако, заключается в том, что, отвергая политизацию и духовное насилие, властители нередко расширяют пространство идеологии путём де-идеологизаторских иллюзий. Между тем, как отмечает в своём докладе А.В. Рубцов, политическая конъюнктура уже манипулирует идеями с небывалой прежде интенсивностью и скоростью [12]. Ценность выступления А.В. Рубцова состоит в том, что попытки реабилитации идеологии воплощаются в форматах, связанных с теневыми идеологическими институтами и латентной идеологией.

Хотя события минувшего века ясно показали, что политические ценности столетней данности, оберегаемые как истины, теперь для нас лишь обветшавшие мифы, но большинство наших сограждан по-прежнему живут ими. Разумеется, прежний опыт юридического мышления и государственные институты старой формации должны усложниться, чтобы сохранить жизнеспособность и создать видимость своей действительности [19, с. 28].

А.В. Рубцов вновь возвращается к соотношению идей и идеологий. Причём связь эта не так проста и прозрачна. Существует сила идеи и слабость организации. В той же мере и наоборот. По словам А.В. Рубцова, теневая идеология – это пространства, где идеологическая борьба как таковая не афишируется, но ведётся контрбандой, скрытно и почти партизанскими методами, в том числе и самим государством.

Сошлёмся на работу Т. Адорно «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии» [1]. Он анализирует широкий спектр эксплицитных философских построений, неявных мировоззренческих идей, дискурсионных и коммуникативных практик, представленных в философии, художественной литературе, теле- и радиопередачах. Все эти феномены, по мнению Адорно, объединяет специфическое использование языка (терминологического языка философии, метафорического строя поэзии, иллюкутивных особенностей коммуникации), наделяющее её неявной («скрытой от потребителя») идеологической функцией – функцией консервации существующего социального порядка.

Жаргон подлинности, по словам Адорно, на котором немало говорят, а ещё больше пишут, – это субъязык как сверхязык. Этот жаргон стандартизирован. Обыкновенные слова отливаются в бронзу и устанавливаются на пьедестал. В такой жаргонности перемешивается вульгарное и элитарное. Разумеется, что является жаргоном, а что нет – трудно определить. «Сведущему в жаргоне, – необязательно говорить, что он думает, необязательно даже и думать: жаргон берёт это на себя и обесценивает мысль» [1, с. 13]. Скажем, фраза: «наша дерзновенная молодёжь» – может служить простой оценкой жизни молодёжи, но мо-

жет выражать идеологизированный стереотип. Те, кто пользуется этим жаргонным словом, выражают определённую идеологизированную солидарность. Нужны ли в этом случае иные идеологические усилия?

«Сакральные без сакрального содержания, замороженные эманации, ключевые слова жаргона подлинности суть продукты распада ауры» [1, с. 14]. Жаргон, как полагает Адорно, уродует то высшее, что надлежит мыслить и что оказывает мысли сопротивление. Трескотня об идеологии, комплементарная немота. Теология прикрепляется к определениям имманентного. «Жаргон зарекомендовал себя как часть негативного духа времени, выполняя общественную работу в рамках тенденции, отмеченной уже Максом Вебером: управление всегда распространяется на то, что рассматривается как ведомство культуры» [1, с. 91].

Итак, как утверждает А.В. Рубцов, расширенное воспроизводство идеологии обслуживается целым комплексом каналов и сетей, силовых структур и органов контроля. Наиболее эффективное проникающее воздействие, отметил в докладе А.В. Рубцов, обеспечивается прежде всего институтами «теневой» идеологии. Механизмы её организованности обычно скрыты, но, подобно бессознательному в психоанализе, фиксируются по действиям и результатам. Так расцветшая было риторика «традиции», «скреп», «идентичности» и «кодов» в текстах категории А может втесняться «цифровой экономикой» и «искусственным интеллектом», однако общий крен в традиционализм сохраняется уже без стимуляции высочайшими напоминаниями – и это процесс явно не стихийный! То же самое с ресталинизацией, с которой государство прямо себя не отождествляет, но попустительствует особенно на местах [13].

Совокупность докладов на семинаре – по существу развёрнутое монографическое исследование идеологических иллюзий. Изобличение иллюзий – разве не в этом миссия социального мыслителя, идеолога? Власть стремится узаконить своё первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии». Идеология по самому своему призванию борется с инакомыслием, с нетривиальным подходом к общественным процессам. Она догматична и направлена против всякого творчества.

Нет сомнений в том, что идеология стягивает всё мыслительное, духовное богатство к обоснованию одной «правды», одного «голоса». Она создаёт всечеловеческую стилистику, но выражает ограниченную точку зрения. В том-то и дело, что и «критика идеологии» демонстрирует в конечном счёте формальное многомыслие. Да, идеологии свойственно фанатичное деление мира на фатально противостоящие друг другу системы идей. Отсюда гневное осуждение универсального человеческого опыта. Но не поддаём ли мы при этом под скромное обаяние «критики идеологии», которое не позволяет развернуться полноценному духовному диалогу, подменяя его множеством автономных голосов?

Между прочим, Сл. Жижек не соглашается с П. Слотердайком. Смысл идеологии, считает он, состоит не только в «думании». Если бы это было так, то тогда «критика идеологии», раскрыв все карты обмана, привела бы к краху «ложного сознания». Тогда не было бы в мире больше никакого идеологического принуждения и эксплуатации. Но дело в том, считает Жижек, что идеология гнездится вовсе не на уровне «думания», а на уровне «делания», что (в его терминах), идеология – это не симптом, а фантазм; значит, понять, что тебя обманывают, вовсе недостаточно для того, чтобы не быть обманутым вновь. Сколько бы ни разоблачали идеологию, она способна торжествовать вновь, хотя все её секреты давно изведены. Не раз в истории западного мира заявляли об окончательном крахе и гибели идеологии как феномена. Не раз в этой истории её триумф возобновлялся. Политик, претендующий на значительные социальные перспективы, просто по определению не может обойтись без идеологии.

Список литературы

1. Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 191 с.
2. Батай Ж. *Проклятая часть. Сакральная социология*. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2006. 258 с.
4. Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призраки толпы. М.: Алгоритм, 2014. С. 205–302.
5. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 288 с.
6. Гуревич П.С. Идеология как текст // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 191–197.
7. Гуревич П.С. Перевоплощение текста в идеологию // Философия и культура. 2013. № 4 (64). С. 423–428. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.04.1.
8. Гуревич П.С. Философия и идеология (маргинальные заметки) // Философская антропология. 2017. Т. 3. № 1. С. 6–26. DOI: 10.21146/2414-3715-2017-3-1-6-26. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2017_1/6-26.pdf (дата обращения: 19.04.2018).
9. Жижек Сл. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. С. Шукиной. М.: Изд. дом «Дело», 2014. 528 с.
10. Межуев В.М. Философия как идеология (тезисы доклада на общеинститутском семинаре 27 апреля 2017 г.). URL: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/27_04_2017_mezhuev/rezume_27_04.pdf (дата обращения: 28.04.2018).
11. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / Ред. И.С. Вдовина. М.: Республика, 1995. 160 с.
12. Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. К концепции диффузной и «проникающей» идеологии» (доклад на Общеинститутском семинаре Института философии РАН 14 декабря 2017 г.). URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/14_12_2017.pdf (дата обращения: 11.10.2018).

13. Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. К концепции диффузной и «проникающей» идеологии (продолжение) (доклад на Общеинститутском семинаре Института философии РАН 14 декабря 2017 г.). URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/14_12_2017_2.pdf (дата обращения: 11.10.2018).
14. Рубцов А.В. Революция как хронополитика и этос // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 4. С. 21–40.
15. Рубцов А.В., Любимова Т.Б., Сыродеева А.А. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М.: ИФ РАН, 2016. 247 с.
16. Слотердайк П. Критика цинического разума / Пер. А.В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001. 584 с.
17. Соловьёв Э.Ю. Философия как критика идеологий (проспект доклада на общеинститутском семинаре 7 июля 2016 г.). URL: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2016/07_06_2016_soloviev.pdf (дата обращения: 12.05.2018).
18. Соловьёв Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 5–17. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-5-17.
19. Эллюль Ж. Политическая иллюзия. Эссе. М.: NOTA BENE, 2003. 432 с.
20. Эпштейн М. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
21. Lemberg E. Anthropologie der ideologischen Systeme. Baden-Baden: Nomos, 1987. 168 S.
22. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? // Phenomenology and The Social Science: A Dialogue / Ed. J. Bien. The Hague: Martinus Nijhoff, 1987. P. 44–50.
23. Рікер П. Ідеологія та утопія. Київ: Дух і літера, 2005. 383 с.